

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
**ОПАСНЫЕ
ВЫБОРЫ**



Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Пуля из прошлого
Серия «Полковник Гуров»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2819895
Леонов Н. И. Макеев А. Опасные выборы: романы: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-53749-5*

Аннотация

«...пунктуальный Лев все-таки ответил на звонок.

Ни один мускул не дрогнул на его лице, пока он выслушивал чей-то торопливый доклад, но по едва уловимому и знакомому только близким людям выражению глаз Гурова Станислав понял, что искупаться им больше не придется. Не говоря ни слова, он поднялся, отряхнулся от песка и стал молча одеваться, в то время как Гуров продолжал слушать позвонившего.

– Сейчас будем, – под конец произнес он, молча убрал телефон и тоже начал одеваться.

– Перестрелка в кафе на улице Люблинской, – говорил Гуров, пока Станислав, внимательно слушая, вел машину по указанному маршруту. – Семь трупов плюс бармен, который вроде бы остался в живых. Стреляли из «калашникова». Больше пока ничего не знаю...»

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Леонов, Алексей Макеев

Пуля из прошлого

Глава первая

Лето выдалось невыносимо жарким. Впрочем, в последние годы это стало уже обычным явлением. В середине июля красная полоска ртути в термометрах, неотвратимо стремясь вверх, упиралась в край шкалы и, не находя дальнейшего пути, замирала там до самого вечера. Но и вечера были не лучше. Раскаленный асфальт перед закатом начинал лишь больше отдавать накопленное за день тепло, в результате чего столица превращалась в одну огромную сплошную парилку.

Полковник Станислав Крячко, сидя в кресле, страдал. В кабинете было так жарко и душно, несмотря на раскрытое настежь окно, что не помогал даже напольный вентилятор, просто гонявший горячий спертый воздух по помещению, не охлаждая его. Крячко завожился в кресле, меняя положение, и потянулся к бутылке с минералкой, только что купленной в местном буфете. Она хранилась в холодильнике и была пусть не холодной, но, во всяком случае, прохладной. Одним махом выпив чуть ли не полбутылки, Крячко крякнул и вылил остатки себе на голову, подставив темя под струю вентиляционного воздуха.

– Провались этот китайский ширпотреб! – выругался он, когда голову обдало теплым ветерком.

Но все-таки стало легче, и Крячко откинулся на спинку кресла, обмахивая себя сложенной вдвое газетой «Спорт-экспресс».

Открылась дверь, и вошел Гуров – стройный, бодрый, подтянутый... Крячко неодобрительно покосился на своего друга. Его всегда поражало, как Лев умудряется в любое время выглядеть стильно и ухоженно? Дождь ли, слякоть, снег, морось – он всегда аккуратен, подтянут, ботинки блестят, короткие волосы лежат так, словно он только что от парикмахера. Вот и сейчас, несмотря на невероятную жару, Лев одет в легкий, но строгий костюм, рубашка безупречно отглажена, и даже галстук он повязал новый, модный, с сиреневатым отливом.

Крячко опустил глаза и посмотрел на себя словно со стороны. М-да... В сравнении со стильным Гуровым он выглядит, мягко говоря, попроще... Верхние пуговицы рубашки расстегнуты, рукава закатаны чуть ли не до плеч, от капель воды в нескольких местах расплылись темные пятна... Брюки помяты, а галстук в такое пекло Станислав сроду на надевал. Он запустил руку в свою шевелюру. Длинные, слегка намокшие спереди пряди падали на лоб. Пора, давно пора подстричься, но все времени не хватает. Да и, честно признаться, он терпеть не мог эту процедуру и всегда старался увильнуть от нее. До последнего старался, когда уже дальше невозможно было тянуть, и старый друг, а по совместительству начальник, генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов начинал делать замечания, что Станислав выглядит «не по форме». Гуров, бросая насмешливые взгляды, вставлял свои излюбленные едкие шуточки, на которые был мастер и которые Станислав всегда одобрял, когда они приходились на чей-то адрес, зато впадал чуть ли не в бешенство, когда они касались его самого.

Крячко снова перевел взгляд на приятеля. Гуров молча прошел к своему столу и, сразу же опустившись на жесткий стул, принялся перелистывать папку с каким-то делом. Крячко также молча наблюдал за ним. Гуров сидел с сосредоточенным видом, совершенно, кажется, не страдая от жары. Станислав поелозил в кресле, потом не выдержал и спросил:

– Тебе что, не жарко?

– Что? – Отрывая взгляд от папки, Гуров не сразу понял, о чем спрашивает его Стас.

– Не жарко, говорю? – повторил Крячко, яростно обмахиваясь своим самодельным «веером».

– Почему не жарко? Жарко. Просто я стараюсь этого не замечать. Голова другим занята, – проговорил Лев и снова уткнулся в свои бумаги.

Крячко недоверчиво хмыкнул. Теперь он уже из вредности не собирался оставлять Гурова в покое.

– Вы у нас теперь «светский лев»? – язвительно скаламбурил он, неприязненно сверля глазами галстук Гурова.

– Не понял, – покачал головой тот.

– В гламуре погрязли, – продолжал язвить Крячко. – Пижонские галстуки носите. Нам рядом с вами только лаптем щи хлебать!

– Тебя премии лишили, что ли? – усмехнулся Гуров. – Да вроде некому, Петр на юга укатил.

– Вот именно! – подхватил Крячко. – Он на юга укатил, а ты тут мучайся в душном кабинете! Хоть бы какой захудалый кондиционер установил, я сколько раз говорил!

– Зависть – плохое чувство, – заметил Лев.

– А я и не завидую, – тут же откестился Станислав. – Я просто за справедливость. Что, нет денег, чтобы кабинеты ведущих сотрудников оборудовать?

– Тебе и так рабочее место оборудовали. Кресло вон новое, мягкое, а я на жестком стуле сижу и помалкиваю.

– Ты сам от мягкого отказался. Беспокоишься о своем поджаром заде. Пижон! – И Крячко отвернулся к окну.

– Ты что такой недовольный-то? – не выдержал Гуров, отрываясь от своих бумаг.

– Что выросло, то выросло, – буркнул Крячко и надулся.

Теперь уже Лев с нескрываемым удивлением следил за приятелем. Если Станислав принялся цитировать его, Гурова, излюбленные фразы, значит, и впрямь с ним что-то не так. Лев внимательно оглядел Станислава и негромко спросил:

– Случилось что-то серьезное? Может, поделишься?

– Да нет, – словно очнувшись, моментально стушевался Крячко.

Когда Гуров начинал разговаривать с ним вот так, по-человечески, у него тут же пропадало желание препираться. И в самом деле, чего он вдруг накинулся на старого друга? Лев, что ли, виноват, что в кабинете жарко и что по всей средней полосе России в ближайшие дни не ожидается понижения температуры? Или в том, что генерал-лейтенант Орлов сейчас отдыхает, а им поручил пересмотреть старые архивные дела?

– Просто понимаешь, Лева, – подсаживаясь ближе, со вздохом заговорил Станислав. – Надоело все! Никаких интересных дел; сидишь, перечитываешь эту муру! – Он кивнул на стопку старых, пожелтевших от времени папок, горой возвышавшихся на его столе. – И кому это только надо? А нынешние преступники будто вымерли. Тоже, что ли, от жары страдают и им даже убивать влом?

– Так радоваться надо! – тут же отпарировал Гуров. – Или ты хочешь, чтобы мы в «глухарях» погрязли?

– Ну, у нас «глухарей» почти не бывает! – самодовольно проговорил Станислав. – Как-никак лучший сыщик Москвы в нашем отделе служит! – И смерил Гурова нарочито подбострастным взглядом. Но в тоне его уже не проскальзывало ехидство, к Станиславу вернулись его обычное расположение духа и склонность к безобидным подколам.

Новых дел и впрямь не было. Может быть, еще и по этой причине генерал-лейтенант Орлов воспользовался паузой и, быстренько схватив горящую санаторную путевку, укатил отдыхать в Гагры. А сыщикам, чтобы не расслаблялись, поручил достать архивные дела и покопаться в них. Понятно, что генерал-лейтенант дал это указание чисто номинально и вряд

ли всерьез надеялся на то, что к его возвращению все эти «висяки» за давностью лет будут раскрыты. Однако приказ есть приказ, и Гуров с Крячко который уже день копошились в пыльных страницах.

– Вот что это, например, такое? – продолжал разоряться Крячко и продекламировал: – Дело номер триста двадцать один. Пятого января две тысячи восьмого года в доме пятьдесят восемь по улице Флотской был обнаружен труп гражданина Свиноаренко. Причина смерти – ножевое ранение в грудь. Орудие убийства найдено рядом с трупом...

– Короче, – остановил Гуров излишества друга.

– А короче, выпивали приятели в новогодние каникулы, будь они неладны. Свиноаренко этот – алкоголик со стажем и друзья соответствующие. И фамилия, кстати, тоже, – добавил Крячко. – Пили-закусывали, потом слово за слово, в итоге классика: пьянка – ссора – драка – нож. Обычная бытовуха.

– И что?

– А то, что выпивали вчетвером. И любой из троих мог стать убийцей!

– А отпечатки на ноже? – сощурив глаза, нахмурился Гуров.

– А отпечатки... – с каким-то злорадством проговорил Станислав и сделал эффектную паузу: – Отпечатков там море и всех четверых! Они этим ножом колбасу резали. И никто не сознается в убийстве Свиноаренко! Каждый на другого валит. Да у них от многодневного перепоя все так в башках перепуталось, что они, похоже, и сами не помнят, кто его подрезал. Прямо хоть бери всех скопом и сажай!

– Ну, попробуй, – с усмешкой посоветовал Гуров.

– Попробуй сам! – не остался в долгу Крячко. – Да, и вот такое дерьмо поручено разгребать... Ну, что это такое, я тебя спрашиваю? – И он вопросительно уставился на полковника, словно ожидая, что тот и в самом деле даст ему ответ на этот сакраментальный вопрос.

– Не мне тебе рассказывать, что в России семьдесят процентов преступлений происходят на бытовой почве, – заметил Лев. – Из них девяносто девять в состоянии алкогольного опьянения. Так что удивляться нечему.

– Я не удивляюсь. Я возмущаюсь! Почему я, опер-важнюк, должен расследовать эту ерунду, почему? – кипятился Крячко.

– Так и не расследуй, – милостиво разрешил Гуров.

– А я и не буду! – Крячко подскочил в своем кресле, захлопнув папку с таким раздражением, что из нее тут же поднялся столб пыли, и с треском отодвинул ее в сторону. – Была охота! Как оно вообще к нам попало, это дело?

– Возьми какое-нибудь другое, что ты к нему прицепился?

– Да они тут все одинаковые, – махнул рукой Крячко.

– Не скажи, – не согласился Гуров. – Вот довольно интересное дело, послушай...

Но Станислав уже не слушал. Посмотрев на часы, он решительно двинулся к двери.

– Ты куда? – поинтересовался Лев.

– Обед, Лева! – назидательно произнес Крячко. – Как говорится, жара жарой, а обед по расписанию.

– Ты можешь зарабатывать сочинением новых пословиц и поговорок, – усмехнулся Гуров, вновь утыкаясь в папку с заинтересовавшим его делом. – Правда, не знаю, сколько тебе за них будут платить и, главное, кто...

Крячко соорудил ему рожу и вышел из кабинета. А Гуров внимательно перечитывал одну из страниц. Вроде бы дело как дело, все ясно, преступник обнаружен, и материалы переданы в суд. Казалось бы, чего еще надо? Но суд подозреваемого оправдал и вернул дело на доследование. И действительно, не без основания. Было в первоначальном варианте что-то, что не нравилось самому Гурову, что-то его смущало, и он упрямо перечитывал дело.

Иннокентий Леонидович Богатенко проснулся резко, в один момент, и сразу же ощутил, как ему жарко. Полное, рыхлое, не тронутое загаром тело было потным и липким. В таком состоянии он просыпался уже который день подряд и, взглянув вверх, с раздражением заметил, что сплит-система опять выключена. Это все, конечно, жена, из соображений ложной экономии. Вот ведь неисправимая натура! Деревня она и есть деревня... Сколько лет живет в столице, являясь супругой Богатенко, человека, занимавшего высокий пост в департаменте строительства Москвы, деньги давно привыкла не считать, тряпки-кольца-шубы меняет и не замечает, а вот поди ж ты, на электроэнергии экономит! Как была провинциальной плебейкой, так и осталась.

Он покосился на жену. Такая же толстая, обрюзгшая, как и он сам, она лежала на боку, похрапывая во сне. В уголке губы застыла капелька уроненной во сне слюны. Из-за жары она спала без ночной рубашки, и Богатенко мог наглядно лицезреть прелести своей супруги.

«Весьма сомнительные», – мелькнуло у него в голове.

Признаться, он уже и забыл, как выглядит его жена без одежды. Все интимные отношения между ними уже несколько лет назад стали затухать, а потом и вовсе сошли на нет. Кажется, это устраивало обоих. Иннокентий Леонидович даже не интересовался, есть ли у жены кто-то на стороне, но почему-то сейчас эта мысль неожиданно пришла ему в голову.

Он еще раз посмотрел на супругу. Несколько складок рулонами перекатывались на животе, ямки и бугры целлюлита покрывали полные бедра. Лицо... На лицо Богатенко даже смотреть не хотелось.

Он перелез через жену, не особо заботясь о том, чтобы не потревожить ее, и, выйдя из спальни, быстро прошлепал босиком в ванную комнату, где сразу набрал джакузи. Лежа под тугими струями, Иннокентий Леонидович размышлял. Ситуация складывается удачно. Часть денег от Торопова уже получена, дело за малым. Ему удалось убедить Торопова в том, что разрешение на строительство выбить совсем непросто. Торопов, конечно, пытался торговаться, сбивал цену, упирал на то, что Богатенко завышает расценки... «Побойтесь бога, Иннокентий Леонидович! Да у меня на само строительство меньше уйдет, чем вы хотите!»

А Иннокентий Леонидович не сердился, только плечами пожимал: «Не хочешь – не надо. По-другому не получится. Земля эта в цене, ее всегда можно пристроить». Куда Торопову деваться, если без Богатенко ему эту бумажку не получить? Иннокентию Леонидовичу решать, какой стройке быть, а какой не быть. Так что пусть выбирает. Да и знал он, что Торопов покрутится-покрутится, поскрипит зубами, а деньги найдет. Есть они у него, есть, иначе не замышлял бы такое строительство. Вот Иннокентий Леонидович, посмеиваясь про себя, и не торопил Торопова, не грозил, но и цену не сбавлял. Помнил мудрую поговорку: «Тише едешь – дальше будешь».

Она, естественно, сработала – Торопов объявился сам и с деньгами. Иннокентий Леонидович и вида не подал, что наперед знал, что так оно и будет. Убрал спокойно деньги в сейф, однако бумагу пока не дал – сказал, что нужно подождать еще немного, пока земля официально не будет передана в его руки. Что он, Иннокентий Леонидович, уже многое сделал для этого, лично съездил с проверкой и пришел к выводу, что находящееся сейчас там предприятие малорентабельно. А следовательно, содержать его и дальше не имеет смысла. Оформил этот вывод как полагается и отослал куда следует. Так что нужно подождать еще совсем чуть-чуть.

Торопов, конечно, повздыхал, но ушел обнадеженный. А Иннокентий Леонидович прикинул, сколько еще можно будет с него взять и на какое время растянуть. Надолго тоже не стоит, в таком деле нужно соблюдать баланс. Не спешить, но и не растягивать, как мочало, иначе пойдут слухи, что с Богатенко каши не сваришь, и будут бизнесмены и прочие страждущие обходить его фигуру стороной, стараясь решать свои вопросы через кого-то другого. Это не так-то просто, конечно, но возможно. Иннокентий Леонидович ловко убеждал своих

просителей, что только он способен решить их проблемы. А ведь есть люди и повыше его, и, если что, гору всегда обойти можно. Так что меру нужно знать, меру. Вон, супружница его меры в пирогах да плюшках не знает – вот и разожралась, как корова.

Иннокентий Леонидович начал вылезать из ванны, и нога скользнула по глянцевому боку. Он неуклюже взмахнул руками, ухватился за край... Осторожнее нужно быть, все-таки возраст уже не тот, шестьдесят скоро, юбилей справлять. Иннокентий Леонидович не задумывался над тем, что не уступает жене в полноте: они относились к одной весовой категории. Но он мужчина, ему внешность вообще не важна. Ему главное – сила. Ум – это сила, и деньги – тоже сила. У Иннокентия Леонидовича имелось и то и другое.

Он прошел в столовую. Домработница Люда, накрывая на стол, шмыгала в кухню и обратно, приносила тарелки, чашки, вазочки. Крутила округлыми бедрами, выписывала восьмерки в воздухе. Когда она в очередной раз направилась в кухню, Иннокентий Леонидович невольно задержал взгляд на нижней части ее тела и, не удержавшись, встал со стула, и пошел следом. Люда открыла дверцу холодильника и склонилась над ней. Иннокентий Леонидович подошел и неожиданно для себя самого положил руку девушке на талию, плавно переместив ее ниже. Она резко выпрямилась и повернулась к нему, не скрывая удивления.

Несколько секунд он не отрываясь смотрел ей в лицо, пока Люда не облизнула пересохшие губы. Что-то мелькнуло в ее лице, и Иннокентий Леонидович понял: смотрит выжидающе, а сама в душе не против, даже радуется, что хозяин вдруг проявил к ней такой интерес. И только присутствие хозяйки в спальне заставляет ее напрягаться, а вовсе не девичья стыдливость. Убери сейчас Иннокентий Леонидович жену из дома – всю ее неловкость как рукой снимет.

Сразу стало неинтересно и даже противно. Иннокентий Леонидович резко убрал руку, сделав вид, что просто хотел окликнуть девушку.

– Люда, – холодно произнес он, – я сегодня уезжаю раньше обычного, поэтому хотел бы позавтракать прямо сейчас.

– Все почти готово, Иннокентий Леонидович. Я ждала, когда встанет Валентина Павловна.

– Не стоит ждать Валентину Павловну, подайте мне завтрак немедленно, – бросил Богатенко, проходя в столовую.

Люда засуетилась, принялась выставлять на поднос еду, потом, подхватив его, принесла и поставила на стол. Иннокентий Леонидович молча приступил к завтраку. Закончив, кивнул Люде и двинулся в прихожую, по дороге выглянув в окно. Шофер уже ждал на своем месте, сидя за рулем.

Иннокентий Леонидович вышел из квартиры, а домработница проводила хозяина взглядом, в котором застыло разочарование.

Богатенко ехал на службу в благодушном расположении духа. Дела шли хорошо, на работе все стабильно. С приходом нового мэра чьи-то головы, конечно, полетели, но его, Иннокентия Леонидовича, это никоим образом не коснулось. Наоборот, новый мэр похвалил работу их департамента и, хотя и объявил, что кое в чем нужно принципиально менять политику, в целом все же остался, кажется, доволен. А значит, Богатенко и дальше будет сидеть на своем посту, подписывая нужные бумаги и умножая капиталы не только за счет высокого оклада, но и за счет страждущих, кому эти бумаги необходимы.

Однако не успел чиновник пройти в свой кабинет, как секретарша, привстав на своем месте, доложила:

– Иннокентий Леонидович, Артемий Яковлевич просил вас зайти к нему.

– Он что, уже здесь? – удивился Богатенко, так как сам прибыл в департамент раньше обычного.

– Да, – подтвердила секретарша. – И он вас ждет.

– Когда он просил зайти? – нахмурился Богатенко.

Вызов начальства был непредвиденным, он совсем не готов к нему. Смутное подозрение закралось в голову, что-то неприятное шевельнулось в груди... С раннего утра шеф обычно не появлялся в департаменте и не вызывал подчиненных. Он вообще не любил устраивать всякие совещания, а если уж и делал это, то во второй половине дня.

– Сразу, как вы появитесь, – в упор посмотрела на Богатенко секретарша.

Тот кивнул и молча прошел к себе. Бесцельно посидев за столом пару минут, поднялся и отправился в кабинет начальника.

Артемий Яковлевич Кононов, пожилой, примерно ровесник Богатенко, но в отличие от него сохранивший стройность и подтянутость фигуры, смотрел на Иннокентия Леонидовича серьезным взглядом своих холодных серых глаз, блеск которых был хорошо виден даже за очками в тонкой оправе.

– Присаживайтесь, – коротко сказал он, едва Богатенко переступил порог кабинета.

Тот сел на стул и посмотрел на начальника, ожидая новостей.

– У нас новости, Иннокентий Леонидович, – словно читая его мысли, произнес Кононов и открыл лежавшую перед ним папку. – Вы помните санаторий «Лесное»?

Богатенко слегка вздрогнул. Почему-то он сразу интуитивно понял, что новости касаются непосредственно его и что они не принесут ему лично ничего хорошего. Однако ответил спокойно и сдержанно:

– Конечно. Санаторий старый, убыточный, себя не окупает, и мы уже не раз думали, как целесообразно использовать эту землю...

– За нас уже придумали, – перебил его Кононов. – Принято решение о том, что земля переходит в собственность государства. Там будет строиться лечебница. Старое здание, возможно, реконструируют, а может быть, и снесут совсем – нужно тщательно все осмотреть, взвесить, стоит ли овчинка выделки. Кроме того, территория расширится, будут построены новые корпуса.

– Лечебница? – медленно повторил Богатенко, невольно проводя рукой по лбу. – Но... насколько она себя окупит? История с санаторием уже показала, что...

– Никаких «но», Иннокентий Леонидович, – резко оборвал его начальник. – Распоряжение уже подписано. Сегодня утром я его получил. Вам нужно в кратчайшие сроки все оформить. Это я говорю к тому, чтобы вы не решили вдруг необдуманно отдать эту землю под что-то другое. Знаю, что желающие имеются. Так вот, никаких посторонних, никаких частных рук. Земля государственная, и никто, абсолютно никто из частных не имеет на нее прав. Вам ясно?

– Ясно, – стараясь говорить спокойно и твердо, произнес Богатенко, а в голове вспыхнула мысль: «Неужели знает?»

По идее, не должен. Торопова Богатенко ни разу не принимал на рабочем месте, всегда назначал встречи на нейтральной территории. Он вообще не «светил» людей, от которых имел побочный доход. Бумаг, подтверждающих левые сделки, в кабинете не держал. Но смотрит Кононов уж больно недружелюбно, так и сверлит своими глазами! Неужели почуял, что Богатенко его обходит? Скорее всего, просто предполагает, предупреждает авансом, чтобы не вздумал играть в жмурки. И сейчас главное выстоять, выдержать этот взгляд, чтобы у Артемия Яковлевича развеялись все подозрения.

– А... когда запланировано строительство? – решил спросить Богатенко.

Собирался произнести эту фразу небрежно, вскользь, а вышло как-то трусливо, даже голос дрогнул.

– Сейчас, – спокойно ответил Кононов. – Со следующей недели начнут завозить стройматериалы, с августа строительство пойдет полным ходом. К Новому году планируется закончить.

– К Новому году? – приподнял брови Богатенко. – Это нереально!

– Смотри как работать, Иннокентий Леонидович, – заметил Кононов. – Должны закончить. Распоряжение мэра города. Так что идите, работайте.

Богатенко поднялся со стула. Пока он шел к дверям, ему казалось, что серые глаза шефа прожгли пятно на его спине. В коридоре, сделав несколько шагов, коррумпированный чиновник остановился и, достав из кармана платок, вытер лоб. Черт знает что такое, гром среди ясного неба! Земля, которая долгое время находилась в подвешенном состоянии и которую по этой причине Богатенко считал своей, земля, никого особенно не волновавшая, вдруг моментально стала чужой! И не чьей-нибудь, а государственной. Это, конечно, только формально, на деле у нее будут реальные хозяева. Никто просто так землей разбрасываться не станет. Но для него это означало лишь то, что вернуть ее себе ему не светит ни при каком раскладе...

Богатенко на ватных ногах дошел до кабинета, сел в кресло, машинально нажал на кнопку и попросил секретаршу принесли ему кофе и коньяк. Выпив рюмку, он задумался. Землю вернуть нельзя. Государство – не человек, его не припугнешь, не подкупишь, не обманешь. Обойти можно, конечно, но это не тот случай. Обходить нужно было раньше, что он и намеревался сделать. Теперь уже не выйдет. Выходит, придется решать вопрос с Тороповым. Но как? Возвращать полученные от него деньги Иннокентию Леонидовичу совершенно не хотелось. А Торопов, конечно же, не забудет об этих деньгах и не махнет на них рукой. Что же делать, что делать?.. Водить за нос Торопова бесконечно не получится, это ясно. Может, предложить что-то взамен? Но что? Есть некий бесхозный участок земли под Нижним Новгородом, который можно было бы подгрести, но вряд ли он заинтересует Торопова...

Иннокентий Леонидович машинально барабанил пальцами по столу. Мозги его работали как какой-то механизм, прокручивая один за другим различные варианты. И ни одного мало-мальски подходящего пока не находилось.

Затрещал сотовый, и Иннокентий Леонидович увидел, что звонит Торопов.

«Да что за чертовщина такая! – раздраженно подумал он. – Все одно к одному! И вообще, что он себе позволяет – звонить в рабочее время!»

Богатенко хотел даже отказаться от разговора, сослаться потом на совещание, да еще и выговор сделать Торопову, что беспокоит на рабочем месте, – чтоб не слишком зарывался, но все же решил ответить. Лучше покончить с этим поскорее. Пока Торопову следует сказать, что дело осложнилось и решить его не так-то просто... От денег отказаться, даже если предложит, – это будет грамотнее, Торопов так больше поверит. И... добавить, что нужно ждать, а там, глядишь, что-нибудь да подвернется. Вот так. И, успокоенный таким решением, Богатенко нажал кнопку.

– Иннокентий Леонидович, Торопов беспокоит! – сразу же услышал он уверенный тороповский баритон, от которого ему стало неприятно. – Вопросик наш надо бы решить. Все сроки вышли.

– Понимаешь, Витя... – стараясь говорить четко и деловито, произнес Богатенко. – Вопросик этот не такой простой, как тебе кажется.

– Иннокентий Леонидович! – перебил его Торопов. – Я чего-то не пойму. В прошлый раз все сложности, кажется, были решены. Даже более чем, я считаю. И что опять случилось? Вы меня за дурака держите? Еще хотите? Вы там не зарвались, часом?

Торопов явно не сдерживал себя, и его можно было понять, но Богатенко взбесила его наглость.

– Слушай, сопляк! – тихо, со скрытой злобой начал он. – Ты что себе позволяешь, а? Ты вообще отдаешь отчет, с кем разговариваешь?

– Я отдаю! – тут же ответил Торопов, но уже на тон ниже. – Но и вы, пожалуйста, отдавайте отчет, сколько времени прошло и сколько денежек получено.

– Язык прикуси! – прикрикнул Богатенко, затем спокойно продолжил: – Слушай, Витя, ну подумай сам, нам с тобой ссориться резона никакого нет, верно? Мы друг от друга получаем только пользу.

– Пока что только вы, – насмешливо вставил Торопов.

– Так вот, Витя, – проглотил насмешку Богатенко, – вопрос, конечно, нужно решать. И вот, чтобы это обсудить, давай-ка мы с тобой сегодня встретимся в два часа дня в спокойной обстановке. В обеденный перерыв. А то ты на работу мне звонишь, от важных дел отвлекаешь... Я сейчас действительно очень занят. А вот в обед – пожалуйста.

– Я не понял – чего обсуждать-то? – спросил Торопов. – Опять меня завтраками кормить будете?

– Ты приезжай, Витя, – устало произнес Иннокентий Леонидович. – Там и поговорим.

– Ладно, где?

– В кафе «Бумеранг», на Люблинской. Знаешь его? Место тихое, кафе уютное. Подъедешь?

– Хорошо, – не скрывая досады, прошипел Торопов. – Только смотрите, Иннокентий Леонидович, если снова вздумаете завести старую песню... У меня тоже терпение на пределе!

– Ты что, мне грозишь, Витя? – удивился Иннокентий Леонидович. – Ты хорошо подумал, сынок?

– Я приеду, Иннокентий Леонидович, – вместо ответа недобро проговорил Торопов. – В два часа, в кафе «Бумеранг». Можете не сомневаться. Приеду.

Телефонный звонок раздался ровно в половине восьмого. Кристиана сняла трубку и услышала вежливый голос горничной:

– Фройляйн Вайгель, вы просили разбудить вас в это время.

– Спасибо, – с легким акцентом поблагодарила Кристиана и положила трубку на место.

В гостиничном номере было прохладно, охлаждающая система работала всю ночь. Почувствовав, что зябнет, Кристиана натянула одеяло до подбородка. Полежав так несколько секунд, решительно покачала головой и откинула одеяло. Не нужно залеживаться, потом будет только тяжелее вставать, это она знала по собственному опыту.

Опустив ноги на пол, сунула их в домашние тапочки и сразу же застелила постель. Ее можно было не убирать, это входило в обязанности горничной, но Кристиана привыкла самостоятельно делать подобные вещи. Собственно, и подниматься в такую рань не было особой нужды: конференция назначена на одиннадцать часов, но подъем в половине восьмого – это тоже привычка, выработанная за годы занятий ее деятельностью.

Кристиана сделала несколько гимнастических упражнений и, отправившись в душ, включила холодную воду. Потрогала пальцем струю, поежилась, сделала погорячее... Вот никак она не заставит себя принимать холодный душ! Сколько времени уже собирается перейти на него – и никак. А ведь родилась и выросла в Германии, где особого тепла не бывает, и должна привыкнуть к холоду. Интересно, а в России как люди чувствуют себя зимой? Ведь здесь морозы достигают тридцати градусов и выше! Наверное, русским и ледяная вода нипочем.

В Россию Кристиана попала впервые. До этого были благополучная Европа и некоторые страны Африки, где, конечно, похуже, не в пример беднее, да и жарко очень. Но Кристиане нравилось там работать. Люди другие, более открытые, более доверчивые. Слушают по-другому, реагируют по-другому – живее откликаются. Конечно, они не идеальны. Кристиана по своему опыту прекрасно знала, что в каждом человеке сидит огромное количество грязи и гнили, только порой они спрятаны так глубоко, что ни окружающие, ни даже сам человек не могут этого разглядеть. А она как раз в этом и помогает.

У Кристианы поистине особый дар. Наверное, по этой причине, разглядев его, господин Бахлер и направил ее в Россию – далекую, незнакомую страну, о которой ей было известно лишь по учебникам да рассказам знакомых. Отправил одну, даже в сопровождающие никого не дал. Словно щенка, которого учат плавать и для этого бросают в воду, – выплывет, удержится – значит, не пропадет. Бахлер был уверен, что Кристиана не пропадет. У нее самой такой уверенности не было.

Русские произвели на нее двоякое впечатление. Вроде бы такие же – две руки, две ноги, так же ходят, едят, улыбаются. И все-таки другие. Совсем другие. Как с ними придется работать, она пока не представляла, возлагая свои надежды лишь на Него.

До этого, мысленно представляя Россию, Кристиана видела почему-то заснеженные горы и бескрайние леса. Почему, она сама не знала. И ведь не дремучий человек, видела эту страну и на карте, и на снимках, даже несколько фильмов смотрела, как велел господин Бахлер, – чтобы лучше вникла в национальные особенности. Словом, видела практически живую, а все равно – снежные вершины и таежные леса.

Конечно, на деле все оказалось не так. Никаких гор и лесов Кристиане увидеть не удалось, а вместо этого была Москва – огромная, шумная, пестрая и разномастная. К тому же, приехать в Россию Кристиане довелось не зимой, как планировалось, а летом. Господин Бахлер неожиданно поменял свои планы, о чем сообщил Кристиане в середине весны, и даже русский язык ей пришлось учить в ускоренном темпе. Выучить досконально, конечно, не удалось: слишком мало времени было выделено на это. Кроме того, приходилось готовиться к своей основной миссии, что не легче языка.

Кристиана не любила, когда планы менялись. Это вносило хаос, беспорядок, сумбур, которые она не выносила. Все должно быть четко и последовательно. Но что случилось, то случилось, и оставалось только надеяться, что Он лучше знает, как на самом деле надо.

Так или иначе, а четырнадцатого июля она сошла с трапа самолета, вылетевшего из Берлина два часа назад и приземлившегося в Шереметьеве в полдень. Шагнула на раскаленный асфальт, зажмурилась от ярко бьющего в глаза солнца и достала из сумки солнечные очки.

Господин Берестов, встречавший ее в аэропорту, оказался человеком среднего роста, средних лет, средней комплекции – весь он был такой средний, словно его специально выбрали, чтобы не бросался в глаза и его трудно было заметить. Если бы он сам не поспешил Кристиане навстречу, она бы, скорее всего, просто прошла мимо, не обратив никакого внимания на этого невзрачного господина. Но он подошел, поклонился, принял у нее тяжелую сумку (из вещей брала только самое необходимое, строго по списку, а все равно получилось нелегко) и провел к такси.

По дороге говорили мало. В гостинице Берестов сразу же проводил Кристиану до ее номера, коротко дал необходимые инструкции и сказал, что основное они обсудят завтра в два часа дня в кафе «Бумеранг», когда Кристиана освободится после конференции. Добавил, что сам довезет ее до места, так что ей не о чем волноваться. А пока пусть отдыхает и привыкает к новой жизни. Без нужды просил из номера не выходить, по Москве в одиночку не гулять.

Кристиана, собственно, и не собиралась. Ей было немного страшновато в незнакомом городе, в чужой стране. Так всегда бывало поначалу, когда она попадала в новое место. Но по опыту она знала, что уже через несколько дней освоится и все пойдет своим чередом.

Приняв прохладный душ, она растерлась до красноты полотенцем и, надев брюки и свободную рубашку, вернулась к кровати. Завтракать было еще рано, она позвонила горничной и попросила принести ей в номер кофе.

Отпивая потихоньку из маленькой чашечки, Кристиана села за письменный стол и достала большую книгу в кожаном переплете. Открыв заложенную закладкой страницу,

стала читать. Но знакомые, много раз прочитанные строки почему-то не укладывались в голове. Мысли хаотично проносились в голове, и Кристиана злилась на саму себя.

День, хоть его деловая часть и начиналась для нее сегодня в одиннадцать, предстоял насыщенный. Сначала конференция, потом встреча с господином Берестовым в кафе, затем поездка в реабилитационный центр, где предстояло провести несколько часов и внимательно присмотреться к живущим там людям, познакомиться и постараться с первой встречи завоевать их доверие. Вечером – встреча с господином Лебедевым, но это уже не так важно. Самое главное – разговор с господином Берестовым в кафе. Тот должен был постепенно вводить ее в курс дела, стать как бы ее куратором. Кристиана знала, что постепенно – это не несколько месяцев или даже недель. Все нужно осваивать быстро, потому что у нее было не так много времени. К Новому году следовало уже вернуться в Германию.

Она посмотрела на часы. Всего лишь десять минут девятого. Она снова взялась за любимую книгу, из которой черпала силы и навыки для своей деятельности. Ничего, все получится. Конференция пройдет гладко, к ней пока ни у кого не будет вопросов. А потом надо подготовиться к встрече с Берестовым. К встрече в кафе «Бумеранг».

Журналист Гриша Артемов сидел на своем рабочем месте и страдал. Впрочем, сидел – не совсем подходящее слово. Артемов беспрерывно вскакивал, подходил к кому-нибудь из своих коллег и, заглядывая через плечо, смотрел, что у того в компьютере. Почти у всех был открыт либо Интернет, либо пасьянс, либо какая-нибудь игрушка покруче. Гриша вздыхал и возвращался на свое место. Он изнывал без работы.

Ему казалось странным и непонятным, что его коллеги-журналисты столь спокойно и даже с прохладцей относятся к тому, что у них нет материалов для работы. Материалы, конечно, были, но все какие-то мелкие, не впечатляющие. И работали журналисты над ними вяло. Сейчас до обеда будут тянуть время, несколько раз пить кофе, постоянно шататься в курилку и травить там анекдоты... После обеда все-таки взбодрятся и застрочат, потому что к вечеру нужно представить хоть какую-то выполненную работу. И они ее представят, это уж как пить дать. И работа эта, скорее всего, даже удовлетворит главного редактора Николая Ивановича. Но Артемову все это претило.

Гриша мечтал о громких статьях и сенсационных репортажах. Ну в самом деле, что интересного писать о проблеме пробок в столице? Об этом уже все языки и кнопки клавиатуры стерли! Или о том, что летом на город опять опустится жара и возможны пожары, так отравлявшие существование в прошлом году... Все это ерунда, все сто раз об этом слышали, и никакого бума это не вызовет. А Грише нужен был бум. Хотелось написать о чем-то таком грандиозном, чтобы москвичи позабыли о всех глупых проблемах и задумались над главным... Над чем главным – Гриша не знал.

Он снова вскочил со стула и подошел к Юрику Ширяеву. Юрик отличался тем, что, валяя дурака практически все рабочее время, умудрялся сдавать статьи в срок, и Николай Иванович всегда его хвалил и ставил в пример другим сотрудникам. Грише статьи Ширяева не нравились – темы были все те же, однако Юрик брал яркостью языка и необычной, своеобразной трактовкой событий.

– Юр, а, Юр! – стоя за спиной Ширяева, заныл Артемов.

– Чего тебе? – лениво отозвался Ширяев, прихлебывая кофе и щелкая мышью, чтобы переложить карты в пасьянсе.

– Подскажи, где материалчик интересный надыбать, а?

Ширяев поморщился. Он терпеть не мог, когда к нему приставали с подобными вопросами. Тем более Артемов, который, как и Ширяев, окончил журфак, а писать без посторонней помощи так и не научился.

– Вот тут, – нехотя повернувшись и постучав себя пальцем по лбу, произнес Юрик. – Это самый лучший склад материалов, Гришаня!

– Я уже всю голову сломал, – вздохнул Артемов.

– Ну, поломай еще, – усмехнулся Ширяев. – И вообще, если у журналиста нет фантазии, ему стоит подумать о смене профессии.

– Фантазия у меня есть, – не согласился Артемов. – Материала нет!

Но, видя, что Ширяев уже снова углубился в пасьянс и не реагирует на него, отошел. Теперь Гриша смотрел, как увлеченно пишет что-то журналистка отдела светской хроники Маша Калинина. Перегнувшись, он внимательно следил за строчками, так и выскакивавшими из-под Машиных бойких пальчиков.

– ...Никто и не догадывается, чего стоит всемирно известной суперзвезде сохранять имидж успешной и красивой женщины, – прочитал он вслух. – Маш, разве это интересно?

– Тебе неинтересно – не читай, – не прерываясь, бросила Маша. – И вообще, Артемов, хватит уже другим мешать! Сам ничего не делаешь и других отвлекаешь...

– Да я бы делал! – в отчаянии воскликнул Гриша. – Если бы было что!

Он уныло подошел к окну и тупо уставился на улицу. Там кипела обычная столичная жизнь. И ничего, достойного внимания, в этой жизни Гриша не находил.

В этот момент в кабинет стремительно вошел главный редактор Николай Иванович и сразу же направился к Ширяеву. Юрик мгновенно, отработанным годами движением, свернул пасьянс и с готовностью повернулся к шефу. В окне повис текст, который Ширяев набросал еще неделю назад и теперь держал открытым для отвода глаз.

– Так, Юра, работаешь? Молодец! – на ходу проговорил Николай Иванович, слегка запыхавшись. – Что это у тебя?

– Материал о вопросе замены маршрутного такси другим видом транспорта, Николай Иванович, – услужливо произнес Ширяев не моргнув глазом.

– Отлично, отлично, – закивал Николай Иванович. – Но это пока оставь. Срочно займись статьей о проблемах ЕГЭ и возможной реформе образования. Как раз только получил известие, что большинство итогов ЕГЭ фальсифицировано, а также зафиксировано массовое списывание. И наш президент уже обмолвился по этому вопросу. Вот ты и напиши – масштабно так, красиво, как ты умеешь!

– Хорошо, Николай Иванович! – ответил Юрик.

– Вот и молодец. Статья должна быть готова к началу следующей недели, чтобы выйти в грядущем выпуске на первой полосе. Успеешь?

– Успею, Николай Иванович! – заверил его Ширяев. – Прямо сейчас и начну.

– Давай, давай, не подведи! – Главный редактор похлопал Ширяева по плечу и направился к дверям.

Как только он вышел, Ширяев преспокойно свернул текст и вновь загрузил прерванный пасьянс.

– Николай Иванович! – неожиданно завопил Артемов, срываясь с места и бросаясь к выходу за шефом.

– Вот идиот! – в сердцах проговорил Юрик, поднялся с места и взял лежавшую возле компьютера пачку сигарет, собираясь устроить перекур.

В коридоре он увидел, как Артемов догнал-таки Николая Ивановича и, вцепившись в него мертвой хваткой, стал просить, чтобы главный редактор дал ему задание написать «о чем-нибудь эдаком!».

– Идиот! – еще раз со вздохом произнес Ширяев, покачал головой и направился в курилку.

LEXA: А чо он уже предложение сделал?

ТУСЯ: Пока нет, но знаю, что сделает.

ЛЕХА: Откуда знаешь?

ТУСЯ: Чувствую.

ЛЕХА: А когда?

ТУСЯ: Думаю, осенью.

ЛЕХА: Не торопись.

ТУСЯ: Почему?

ЛЕХА: Вдруг ошибешься.

ТУСЯ: Этого не может быть! Он очень хороший!

ЛЕХА: Это всегда поначалу так кажется. А лицо у него тупое.

ТУСЯ: Ничего подобного! Он самый лучший на свете! Если бы ты знала, как он со мной обращается!

ЛЕХА: А вы с ним где уже были?

ЛЕХА: Ты где?

ЛЕХА: Куда пропала?

– ...Наташа! Наташа! Вы меня слышите?

– А? Что? – Наташа подняла испуганные глаза от монитора и уставилась на шефа, который стоял прямо перед ней и смотрел явно неодобрительно.

– Я обращаюсь к вам уже в третий раз!

– Простите, Артур Дмитриевич, я просто задумалась! – Наташа приложила руки к груди.

Шеф пристально посмотрел на нее, покачал головой и спросил:

– Вы отправили письмо в «Новую эру»?

– Да, конечно, Артур Дмитриевич, еще утром!

– А рекламу разослали?

– Да.

– По всем сайтам?

– По... по тем, что обычно... – покраснела Наташа.

– Мы же с вами договаривались вчера, что вы пройдетесь по другим сайтам! И выберите подходящие!

– Я сейчас все сделаю, Артур Дмитриевич!

– Что с вами происходит, Наташа? – поинтересовался шеф, окидывая ее внимательным взглядом.

– Ничего! – храбро ответила Свиридова, хлопая ресницами.

– В последнее время вы словно витаете в облаках...

– Я... Я просто устала, Артур Дмитриевич! – неожиданно для себя самой ответила девушка.

– Устали? Может быть, вам взять отпуск? – Шеф по-прежнему очень внимательно смотрел на нее. – В перерыве зайдите-ка ко мне в кабинет, – после продолжительной паузы произнес он и вышел.

«Ну вот, напросилась! – с досадой подумала Наташа. – И кто меня тянул за язык? Теперь станет опять делать всякие намеки, трогать своими потными руками и приглашать поехать вместе отдохнуть...»

Да ладно бы если поехать куда-нибудь – в Испанию, например, куда он сам постоянно мотается! А то ведь повезет в гостиницу какую-нибудь на вечерок, всю ночь промучает, а утром на работу пили! Вот тебе и отдых... Танька Комарова, заместитель бухгалтера, рассказывала, что она один раз уже так попала. Повелась на сказки шефа о том, как ей необходимо отдохнуть, и раскрыла рот... Нет уж, Наташу так дешево не купишь! Вот если бы Артур

Дмитриевич действительно предложил какой-нибудь совместный евротур, она бы еще подумала, а так – ищите дураков в другом месте. И вообще... У нее Андрей есть! И не нужен ей никакой Артур Дмитриевич!

Наташа покосилась на дверь, встала и закрыла ее плотнее, после чего снова углубилась в монитор, продолжая прерванную переписку. Но Андрея сейчас не было онлайн – конечно, он же работает! – и ей приходилось переписываться с подружкой Сашкой, носившей ник LEXA. С ней хотя бы можно было поболтать про Андрея – виртуально, конечно, поболтать.

Саша видела фотографии Андрея и сказала, что он ей не понравился. Ну, это понятно, она просто завидует! Андрей не может не нравиться! Наташа увидела его впервые в кафе и сразу поняла, что пропала. Такие красивые синие глаза встречаются разве что одни на миллион... И он так красиво за ней ухаживал, так трогательно! Когда Наташа заболела, прислал ей персики, потому что она как-то оговорилась, что обожает их.

Жалко, что они видятся не так часто, как хотелось бы. Вот если бы жить вместе, тогда все было бы по-другому. Но Андрей не хочет переезжать к ней, хотя она неоднократно на это намекала. Конечно, это понятно, он же очень гордый! Хочет сам заработать на квартиру для них, поэтому и работает так много. Если бы не этот вопрос, Андрей давно бы сделал ей предложение. Она же видит, как он на нее смотрит! А когда узнал о приставаниях Артура Дмитриевича, вообще сказал, что шею ему свернет!

Наташа еле-еле успокоила любимого, она еще никогда не видела его в таком бешенстве. А Андрей потом подумал и сказал, что Артура Дмитриевича обязательно нужно наказать. Только бить ему морду и в самом деле глупо, нужно действовать более тонко и хитро. Андрей – он же очень умный!

Собственно, Наташа и сама была не прочь отомстить своему шефу за его потные касания. Правда, поначалу она не очень хорошо поняла, что собирается сделать Андрей, и вообще ей было, честно говоря, немножко страшновато. Но он убедил ее, что Артур Дмитриевич ни о чем не догадается, ему и в голову не придет, что они с Наташей придумали. Просил только соблюдать осторожность. Понятное дело, тут ему опыта не занимать – он же в секретной фирме работает! Этим он только с Наташей поделился, его друзья считают, что он работает обычным менеджером.

Эх, жаль, что сегодня не удастся увидеться с Андреем! Наташа закрыла глаза, и ей сразу же представилось его красивое, загорелое лицо, вспомнились сильные и нежные руки, мягкие губы... Нет, про Андрея сейчас лучше не думать. К тому же Артур Дмитриевич опять лезет со своими придирками. Нужно сделать хоть что-нибудь, чтобы он утихомирился и оставил ее в покое. Вон, пусть к своей Комаровой пристаёт!

Кстати, а почему Артур Дмитриевич так нехорошо посмотрел на нее сегодня? Может быть, он что-то подозревает? У Наташи от этой мысли моментально пробежал холодок по спине.

Она встала и заходила по кабинету. Кабинет был крошечным, зато Наташа в нем полноправная хозяйка. Это гораздо лучше, чем сидеть в бухгалтерии, где на один кабинет, пусть даже просторный, приходится главбух, ее заместитель Комарова и юрист Коновалова Жанна Юрьевна, крайне вредная дама с крючковатым носом. И все трое друг другу кости переминают, подсматривают, кто что делает!

А за Наташей никто не следит, и с этими змеюками она сталкивается только в курилке, а потом опять возвращается к себе. Спасибо Артуру Дмитриевичу, что поместил ее сюда! Но почему он все-таки так смотрел на нее сегодня?

Наташа подошла к столику и машинально воткнула шнур от электрического чайника в розетку. Все время, дожидаясь, пока он закипит, вспоминала взгляд Артура Дмитриевича и его слова. Блин, она плохо помнила, что именно он говорил, потому что перед этим болтала с Сашкой и думала об Андрее... Нет, все же Андрей прав: нужно быть бдительнее!

А может, позвонить ему сейчас, рассказать о своих подозрениях? Нет, нельзя. Андрей категорически запретил обсуждать это по телефону. Нужно доверять ему – он старше и мудрее, и он очень ценит справедливость. Поэтому Наташа и поверила, что Артур Дмитриевич действительно не должен оставаться безнаказанным. Пусть получит за свои делишки! Наташе его ничуть не жалко. Ради Андрея...

Рука невольно потянулась к телефону, но Наташа заставила себя отдернуть ее. Андрей не разрешал звонить ему во время рабочего дня, говорил, что на его работе это запрещено. Не нужно его подводить. Да и что звонить, если сегодня они все равно не увидятся?

Наташа вздохнула, насыпала себе в чашку кофе и залила подоспевшим кипятком. Долго мешала сахар, снова улетев в своих мечтах далеко-далеко. Потом заставила себя выпить кофе, чтобы взбодриться, и собралась честно приняться за работу, порученную ей Артуром Дмитриевичем. Работу действительно лучше сделать, а то себе дороже.

Но едва она взялась за мышь, предварительно написав Сашке, что «зануда-шеф достал пашу как лошадь», как зазвонил ее телефон. Наташа едва не подпрыгнула на стуле: это была мелодия Андрея! Она специально поставила на его звонок – это была ее любимая песня, символизировавшая, как ей казалось, их отношения.

– Але! – стараясь вложить в голос как можно больше нежности, пропела она.

– Привет! – От голоса Андрея, такого родного, всегда веселого, нежного и чуть насмешливого, Наташа почувствовала, как у нее непроизвольно начинают слабеть коленки. – Что, шеф успел сильно достать?

– Нет, не сильно, но успел, – ответила она. – Давай лучше не будем о нем говорить.

– Давай, тем более что сейчас нам говорить некогда. А вот в обед мы с тобой можем классно пообщаться.

– Правда? – обрадовалась Наташа.

– Да, у меня будет свободная минутка, так что подходи в свое любимое кафе, – торопливо проговорил Андрей и добавил: – Все, Тусь, я закругляюсь, целую, зая, до встречи!

Связь прервалась. Наташа немного посидела с трубкой в руке, прислушиваясь к гулко колотившемуся сердцу, потом вскочила и закружилась по кабинету.

Ур-ра! Они сегодня увидятся! Выпалив десятикратное «спасибо» неизвестно кому, она счастливо рассмеялась.

– Свиридова, вы с ума сошли?!

На пороге стояла юрист Коновалова и неприязненно смотрела на выделявшуюся танцевальные па девушку. Наташа, которая не только не любила Коновалову, но и побаивалась ее, неожиданно холодным и резким тоном проговорила:

– А почему вы, Жанна Юрьевна, вламываетесь в мой кабинет без стука? Вас никто не учил вежливости?

– Что?! – У Коноваловой, кажется, очки поползли на лоб.

– Что слышали, – еще более холодно продолжала Наташа. – В следующий раз потрудитесь, пожалуйста, стучать, иначе я буду вынуждена поставить этот вопрос перед Артуром Дмитриевичем.

Коновалова, оторопев от такой наглости, кажется, забыла, зачем вообще сюда пришла. Не сказав ни слова, она вышла из кабинета, громко хлопнув дверью. Наташа хохотнула и показала язык, затем повернулась к висевшему на стене зеркалу. Ей понравился ее новый взгляд – спокойный и уверенный. Раньше она не была такой. Наверное, это передалось от Андрея. Что ж, пусть все видят, какая она – сильная и решительная женщина!

Уже потом, в курилке, Танька Комарова возбужденно рассказала ей, что Коновалова вернулась в бухгалтерию со сногшибательной новостью: Артур Дмитриевич взял Свиридову себе в любовницы, и она сразу же обнаглела. Это никого особо не удивило: все знали, что шеф давно заглядывается на молоденького менеджера. При этом Танька поглядывала на

Наташу изучающее, словно ждала, что она ей признается. А та только загадочно улыбалась, ничего не подтверждая и не опровергая.

Коновалова, кстати, после этого эпизода стала держаться с ней куда почтительнее. И это Наташе тоже понравилось. Выходило, что они будто поменялись местами: теперь Коновалова побаивалась Наташу, видимо, опасаясь, что Свиридова нажалуется на нее Артура Дмитриевичу и тот попросту уволит Жанну Юрьевну.

«Теперь все пойдет по-другому! – думала Наташа, крася губы перед обеденным перерывом. – Все, все! Теперь я буду счастливой!»

С работы она ушла на семь минут раньше положенного. Ее совсем не волновал возможный гнев Артура Дмитриевича, который, вообще-то, пока ни сном ни духом не подозревал, что его записали в любовники и покровители Наташи. Она думала только о том, что через несколько минут встретится с Андреем. Встретится в кафе «Бумеранг».

Глава вторая

Гуров поднял голову от пухлой папки и посмотрел на часы. Обеденный перерыв давно закончился, а Станислав еще не вернулся.

«Основательно отобеживает, однако», – усмехнулся он про себя.

Встал, потянулся и сделал несколько упражнений для разминки, почувствовав, как затекла шея от сидения в одном положении. Некстати вспомнилось, что ему уже не двадцать лет, но Гуров досадливо отогнал эти невеселые мысли. Вроде прекрасно понимал, что ни одному человеку на земле не удастся избежать старости – ну, разве что если не умрет в юном возрасте, – а вот, видимо, внутренне не мог смириться с мыслью, что это коснется и его самого.

Лев невольно позавидовал Станиславу: вот этот никогда не унывает! А если и ворчит, то больше для отвода глаз, чтобы лишний раз подчеркнуть, как много он делает. Гуров не знал, что несколько минут назад его лучший друг точно так же завидовал ему самому, его аккуратности и внутренней дисциплине. Зависть эта не была черной, Гуров и Крячко слишком давно дружили, слишком хорошо знали достоинства и недостатки друг друга, чтобы всерьез испытывать какую-либо неприязнь. Наверное, жара все-таки отражается на настроении не лучшим образом.

«А действительно жарко», – с удивлением подумал Лев, ощущая, как ослепительное солнце немилосердно палит в раскрытое окно. Подошел к нему, закрыл на шпингалет и задернул шторы.

«Вот так-то лучше. И для чего Станислав распахивает окно, прекрасно зная, что вся жара с улицы тут же пойдет в кабинет? Физику, что ли, в школе не учил?»

Он снова сел за стол. Дело, которое вернули на доследование, отложил, поняв полную его бесперспективность, и взялся за другое, даже успел заинтересоваться и отметить кое-какие детали, как дверь с треском распахнулась, и в кабинет ввалился Крячко, который первым делом уставился на затемненное окно, а потом решительно прошагал к нему и распахнул настежь.

– Потом опять будешь жаловаться, что тебе жарко? – подавив раздражение, посмотрел Гуров на приятеля.

– Не буду! – признался Станислав. – Я вообще не собираюсь жаловаться, потому что почти доволен жизнью! – Он похлопал себя по животу, плюхнулся на стул и потянулся с блаженной улыбкой.

– Вот и отлично, – заключил Гуров. – А окно все-таки закрой.

– Почти доволен! – подчеркнул Станислав. – А был бы полностью доволен, если бы... – Он прервал фразу, с шумом придвинул стул поближе к Гурову и заговорил убеждающе: – Послушай, Лева, сегодня пятница, середина дня... Никаких преступлений нет, половина отдела в отпусках, включая начальство...

– Это ты к чему? – покосился на него Лев.

– Это я к тому, что кому мы с тобой на фиг здесь нужны? Ну, что мы паримся в этом чертовом кабинете и листаем никому не нужные дела? Короче, давай бросим все и махнем на пляж! – Станислав решительно рубанул рукой воздух.

– Какой пляж, до конца рабочего дня еще три часа! – попытался возмутиться Лев, но Крячко уже уловил в его голосе сомнение и с жаром принялся убеждать дальше:

– Поехали, Лева! От этого сидения на стуле ничего не произойдет, разве что геморрой на твоей усидчивой заднице...

– Ну, хорошо, – чуть поколебавшись, согласился Гуров. – Давай только вот это дело дочитаю до конца, и поедем.

– Да чего его читать! – фыркнул Станислав. – Что за дело-то?

– Дело об убийстве одного офицера в подмосковной части... – начал было объяснять Лев, но тут же увидел, что Станислав совсем его не слушает.

– Де-ело об убийстве офице-ера! – дурашливо пропел Крячко, выдергивая у Гурова из рук папку и решительно отправляя ее обратно в сейф. Немного подумав, отправил туда, на всякий случай, вторую папку и, отряхивая руки, произнес: – Все, Лева! Хватит на сегодня дел об убийствах! Мы с тобой их столько раскрыли, что... Не мне тебе объяснять, с нашим-то опытом, что не стоит пытаться раскрыть все дела на свете.

– Наверное, ты прав, тем более что там тоже не за что ухватиться.

– Не за что, не за что, – кивал Станислав, подталкивая приятеля к двери и быстренько запирая кабинет, пока Гуров не передумал. – Все, Лева, поехали!

В отделе, естественно, никто не стал задавать двум полковникам вопрос, куда это они направляются посреди дня. Гуров и Крячко могли себе позволить иногда воспользоваться своим положением оперов-важняков и, по совместительству, хороших друзей самого генерал-лейтенанта Орлова, однако, надо отдать им должное, старались этим не злоупотреблять. Разве что того требовало дело, или, наоборот, когда никаких дел не было, и можно было позволить себе такую невинность, как поездка в середине дня на пляж.

На пляже, несмотря на разгар рабочего дня, оказалось довольнолюдно. Многие купались, кто-то просто лежал на полотенце, некоторые играли в пляжный волейбол.

– Не понимаю, у нас народ вообще не работает, что ли? – пробираясь через расстеленные подстилки и стараясь не наступить на очередное разгоряченное тело, раздраженно бросил Крячко.

– Кто бы говорил, – усмехнулся Гуров.

У них не было с собой ни подстилок, ни полотенец, ни прочих атрибутов пляжного отдыха. Максимум, чем они владели, – это пара шорт, которые Станислав прихватил из дома и которые валялись в его машине. На замечание Гурова, что тот заранее продумал устроить себе купание в рабочее время, для того и взял шорты, Станислав ехидно заметил, что если Гуров такой умный, то может не облачаться в шорты, а купаться «прямо в своем пижонском костюмчике или в труселях в цветочек».

– Прикинь, кто-нибудь щелкнет тебя в этот момент, а потом в Интернете появится фотка с подписью: «Лучший опер Москвы отжигает!» – веселился Станислав.

Шутки шутками, но едва приятели успели, переодевшись-таки в машине, окунуться в прохладную воду Москвы-реки, едва успели проплыть метров пятьдесят вперед и обратно, едва выбрались на берег и с удовольствием растянулись прямо на песке, как у Гурова зазвонил сотовый телефон.

– Забей! – лениво посоветовал Крячко, зарываясь в песок, но пунктуальный Лев все-таки ответил на звонок.

Ни один мускул не дрогнул на его лице, пока он выслушивал чей-то торопливый доклад, но по едва уловимому и знакомому только близким людям выражению глаз Гурова Станислав понял, что искупаться им больше не придется. Не говоря ни слова, он поднялся, отряхнулся от песка и стал молча одеваться, в то время как Гуров продолжал слушать позвонившего.

– Сейчас будем, – под конец произнес он, молча убрал телефон и тоже начал одеваться.

– Перестрелка в кафе на улице Люблинской, – говорил Гуров, пока Станислав, внимательно слушая, вел машину по указанному маршруту. – Семь трупов плюс бармен, который вроде бы остался в живых. Стреляли из «калашникова». Больше пока ничего не знаю.

Крячко никак не комментировал услышанное, сосредоточившись на дороге. Он знал, что все подробности они сейчас увидят на месте, и подробности эти, увы, будут неживописными...

Сергей Николаевич Берестов встал из-за письменного стола, убрал бумаги и подошел к зеркалу. Взял с полочки расческу с частыми зубцами и несколько раз аккуратно провел по коротким прямым волосам. В костюме было очень жарко, и он подумал, не оставить ли пиджак в кабинете. Потом все же решил, что не стоит, не нужно допускать фривольностей. Все-таки у них с Кристианой деловая встреча, и именно от нее во многом зависит его дальнейшая судьба. И не только его... Кристиана при встрече показалась ему дамой очень строгой и даже немного ханжески настроенной. Словом, лучше не допускать ни малейшей провокации. Берестов невольно усмехнулся. Да уж, должность обязывает его следить даже за такими мелочами. Ну, казалось бы, какие тут вольности – всего лишь отсутствие пиджака! Рубашка с коротким рукавом и брюки – вполне приличное сочетание. Но нет... Даже в этом тысячу раз взвесишь, прежде чем принять решение.

«Тяжела ты, доля моя!» – подумал он и тут же оборвал неуютную мысль. Не хватало еще начать роптать! Он, взрослый человек, сам, по собственной воле выбрал свой путь.

«Не по собственной, – напомнил внутренний голос. – Ты забыл, что тебя повел этим путем Он».

Сергей Николаевич посмотрел на часы. До встречи с Кристианой оставалось около часа, но лучше приехать пораньше и подождать, чем заставлять ждать ее и потом слушать возможные упреки в том, какие русские непунктуальные люди. Берестов поймал себя на мысли, что заранее обвиняет Кристиану в предвзятом отношении, приписывает ей то, что ей, в общем-то, несвойственно.

«Какой же я стал мнительный! Неужели превращаюсь в зануду?» Он был очень недоволен собой.

А все эти деньги, будь они неладны! Берестов осознавал, что в последнее время думает в основном о них. Нет, конечно, о другом тоже думает, в частности, о главной цели визита Кристианы. А вот поди ж ты, деньги, оказывается, перевешивают все остальное.

«Нужно серьезно заняться собой! – решил Берестов. – Нельзя давать себе спуску и позволять забывать о важных вещах! Иначе можно распрощаться со своим местом». В таком состоянии просто нельзя заниматься тем, чем он занимается уже много лет.

Сергей Николаевич вышел из комнаты, именуемой у них дома кабинетом, и сразу же столкнулся с супругой.

– Уже уезжаешь? – спросила она.

– Да. У меня скоро встреча, – целуя ее в щеку, ответил Берестов.

– С Кристианой? – уточнила жена.

– Да.

– Как жалко, что я не могу присутствовать! – вздохнула супруга. – Очень хотелось бы с ней познакомиться!

– Еще успеешь это сделать.

– Расскажи хотя бы, какая она? Так интересно!

– Абсолютно ничего интересного, – холодно заметил Берестов.

– Ну, разве можно так говорить? – с робким укором произнесла жена. – Я уверена, что она замечательная девушка! Знаешь что? Пригласи-ка ее к нам в гости!

Берестов хотел было сказать, что это совершенно незачем, но внезапно вновь вспомнил о деньгах. Может быть, Ирина и права. Может, действительно стоит пригласить домой эту Кристиану. Кто знает, вдруг домашняя обстановка повлияет на нее положительно в этом

смысле? Только это нужно хорошенько обдумать. Ничего не делать сгоряча. Сначала обдумать.

– Хорошо, – слегка улыбнулся он жене. – Возможно, и приглашу.

– Ты когда вернешься? – поинтересовалась она, идя за ним в прихожую.

– Скорее всего, не очень поздно. Сегодня у меня, кроме Кристианы, ничего не запланировано.

Ирина внимательно посмотрела мужу в глаза и тихо спросила:

– Думаешь об этих деньгах?

Он чуть вздрогнул. Ему всегда казалось невероятным, как жена умудряется читать его мысли. Хотя что тут удивительного, они прожили вместе более двадцати лет и практически не разлучались. Даже когда Берестову приходилось уезжать по делам, Ирина старалась быть рядом и не оставлять его надолго.

– Не переживай, – ласково сказала она. – Пусть все будет так, как решит Он.

– Что ж, ты совершенно права, дорогая! – Берестов крепко поцеловал супругу и вышел из квартиры, направляясь в гостиницу за Кристианой, а оттуда – в кафе «Бумеранг».

Валера Костырев вновь наполнил рюмки из пузатой коньячной бутылки, посмотрел в глаза своей собеседнице и торжественно произнес:

– Ну, за встречу!

Затем быстро опрокинул рюмку в рот и принялся закусывать сервелатом, нарезанным аккуратными, ровными ломтиками, лежавшими на полиэтиленовой упаковке. Женщина едва пригубила коньяк. Она смотрела на Костырева и улыбалась. Тот поймал ее взгляд, улыбнулся в ответ и довольно произнес, чувствуя, как спиртное распространяется по организму, приятно горячит тело:

– Эх, Маришка! Сколько же мы с тобой не виделись, а?

– Два года, Валера. Два года и один месяц, – с легкой грустинкой в голосе ответила Марина.

– Да... – с каким-то не то удивлением, не то сожалением констатировал Костырев, покачав головой, и снова потянулся к бутылке.

– А помнишь, – с ностальгическими нотками продолжала Марина, – как мы с тобой ездили в Серебряный Бор купаться?

– А то! Все помню, Маришка, все.

– Эх, ты! – с обидой проговорила та. – А сам не позвонил ни разу за все это время! А говоришь, что помнишь... Что у тебя, телефона нет?

– Есть, конечно, просто...

– Просто ты меня совсем забыл! И вспоминать не хотел!

– Что ты, что ты, Мариш! – засуетился Валерий, вскакивая со стула. – Я же только тебя и вспоминал. Мне, кроме тебя, и вспомнить-то нечего.

– Правда? – печально посмотрела на него Марина.

Валерий согласно кивнул и наполнил свою рюмку. Отрезал острым ножом тонкий кусок от янтарно-желтого сыра и не спеша стал пережевывать. Он о чем-то думал, о чем-то своем, словно вспоминал что-то, и Марина не мешала ему, сидела молча. Вдруг Костырев рывком снова потянулся к бутылке. Она уже почти опустела, и Марина, заметив это, достала из сумки еще одну.

– Две привезла? – сразу повеселел Валерий. – Умница ты моя! Вот за что я тебя всегда любил, Мариша, так это за твою догадливость!

Хмурое настроение, в которое он погрузился на некоторое время, как рукой сняло, и Костырев, быстренько допив первую бутылку, недолго думая откупорил вторую. Марина

тоже повеселела, сидела напротив, вся такая хорошенькая, благоухающая свежей туалетной водой, покачивала ножкой в остроносой туфельке...

– Как там наши? – спросил Валера, поставив пустую рюмку на стол.

– Не знаю, я почти не вижу никого. А ты? Никого не встречал?

– Нет, – коротко ответил Костырев. – Это уже пройденный этап. Забыть и выбросить. У меня теперь другая жизнь.

– Я вижу. – Марина с грустью обвела глазами кухню, остановила взгляд на пустых бутылках.

– Только не надо ничего говорить! – предостерегающе поднял руки Костырев. – Сам все знаю!

– А я и не буду, – улыбнулась Марина, накручивая на палец золотистый завиток волос. – Я вообще сегодня не хочу говорить ни о чем плохом. Только о хорошем!

– Умница моя! – снова похвалил ее Костырев и пододвинул стул ближе.

Марина не отстранилась, когда он провел рукой по ее коленке, а затем и по всей ноге вверх, до бедра.

Некоторое время Валера продолжал гладить женщину, потом пыл его как-то поостыл, он вновь покосился на стол и, налив очередную рюмку, выпил. После чего с извиняющимся выражением лица повернулся к Марине:

– Сейчас, давай посидим еще! Не виделись давно, поговорить хочется.

– Давай, давай посидим, – ласково произнесла та.

... Часа через полтора-два Костырева развезло уже основательно. Марина откровенно скучала, видя, как заплетается у него язык, но старалась не подавать вида, держаться бодро и шутить.

– Ты закусывай, Валера, закусывай. Помнишь, как мы с тобой один раз красной икры объелись? У меня на другой день тошнота была страшная, из туалета не вылезала...

– Да? – удивился Костырев. – А у меня просто изжога, и всё.

– Ну, ты же мужчина! Да еще такой сильный.

При этих словах Костырев расправил плечи, неловко поднялся и направился к дверям.

Проходя мимо зеркала, он невольно бросил в него взгляд. Увиденное ему совершенно не понравилось: какое-то опухшее, небритое лицо, измятая рубашка... Блин, что же он сделал с собой? А там, в комнате, сидит такая женщина, что любой другой от зависти лопнет! А он идет еле-еле, аж покачивается уже... Нет, пить надо завязывать. И немедленно! Маринка вон помнит его, приехала ведь, сама приехала, он даже не звал. Значит, все еще может быть хорошо. И у него все может наладиться. Бросить пить, послать к ядреной матери эту квартиру, уехать вместе с Маринкой и зажить по-человечески. А остальное... остальное тоже пусть катится к чертям! Его это не касается!

Костырев прошел в ванную и взялся за бритву. Провел по щетинистой щеке, ощущая, как затупилось старое лезвие, – брился он теперь нечасто и кое-как. Не спеша, тщательно скреб щеки, пока они не стали более-менее гладкими. Потом открыл кран с холодной водой и сунул под него голову. Постоял так пару минут, отряхнулся и вытер волосы полотенцем. Подумал, взял тюбик с зубной пастой и почистил зубы. Проходя обратно в комнату, он снова взглянул на зеркало. Вид стал лучше. Но все равно, нужно взяться за себя всерьез, а то перед Маринкой неудобно.

Марина стояла у стола, держа в руках свою сумочку.

– Ну, Валера, мне пора, – как-то обреченно сказала она.

Костырев подошел, ласково обнял ее и тихо проговорил:

– Мариш, ты прости меня, дурака.

Марина подняла на него удивленные глаза.

– Если пить брошу – замуж за меня пойдешь? – после некоторой заминки спросил Костырев.

Она чуть вздрогнула, словно не веря своим ушам, пристально посмотрела на него и молча кивнула. Так они и стояли, молча глядя друг другу в глаза. Марина первая прервала затянувшуюся паузу.

– Ты только брось, – попросила она. – А сейчас мне и в самом деле пора. Прости.

– Я тебя провожу! – решительно произнес Валерий.

На улицу они вышли вместе, под руку. И пока спускались по лестнице, у Костырева билась в груди счастливая мысль, что теперь все будет по-другому. С приездом Марины возродились давно погасшие надежды на нормальную жизнь, о которой он уже давно забыл.

А она шла рядом, красивая, стройная, молодая, поглядывала на него и смеялась. Радостно так смеялась, хорошо...

У машины ненадолго задержались. Марина что-то говорила, а он все смотрел и смотрел на нее. Затем спросил:

– Когда ты теперь приедешь?

– Не знаю. Но я тебе обязательно позвоню. Может быть, лучше ты приедешь ко мне?

– Приеду, – пообещал Костырев. – Вот закончу... дела – и приеду. И заберу тебя, Мариш.

Она снова улыбнулась и провела ладонью по его щеке. Костырев перехватил ее руку и нежно поцеловал. Марина быстро повернулась и прошла к дверце. Села на сиденье, завела мотор... Отъезжая, еще раз повернулась к нему и помахала рукой. Валерий ответил тем же. Некоторое время он смотрел вслед машине, пока она не исчезла за углом. Потом, словно очнувшись, оглянулся. Хотел было направиться домой, но полез в карман и нащупал тысячерублевую бумажку. Колебался он недолго.

«В последний раз! В самый последний раз – и все!» Резко повернулся и пошел в сторону магазина. Вдруг за его спиной раздался чей-то торопливый голос:

– Валерий Викторович!

Костырев остановился и устало проговорил:

– Опять ты? Ну, сейчас-то что тебе надо?

– Разговор есть!

– Не о чем нам с тобой разговаривать, я, кажется, уже сказал!

– Нет, есть о чем, – твердо ответил собеседник.

– Я сейчас пьяный, понятно? А в пьяном виде о делах не говорю.

– Хорошо. Тогда завтра. Приходите в кафе «Бумеранг». Знаете такое?

– Нет, – тут же отреагировал Костырев.

– Его легко найти, оно находится на улице Люблинской, ближе к Братиславской. Придете?

– Не знаю, – после паузы, нерешительно сказал Костырев.

– Ну, послушайте! – Собеседник чуть ли не взмолился. – Вы же сами говорили мне о смерти! Так вот, если хотите остаться в живых, вы придете.

– Слушай, хватит, а? – разозлился Костырев. – Я еще тебя переживу!

– Вы придете?

Костырев некоторое время вслушивался в прерывистое, напряженное дыхание собеседника, потом повернулся и пошел прочь.

– Я вам позвоню! – долетел до него голос, но он даже не обернулся.

Андрей слез с кровати, подошел к окну и закурил. Окно пришлось открыть, а Лерка не любила этого, потому что в комнате работала сплит-система. Она говорила, что при открытом окне молотит впустую и воздух не охлаждается. Да ладно, он только на пару минут.

Андрей покосился на Лерку. Раскинув руки и ноги, она лежала на постели в совершенно расслабленном после любовных утех состоянии, и даже открытое окно, из которого сразу же потянуло жаром, ее, казалось, совершенно не волновало. Глаза ее были закрыты, на лице играла слабая улыбка.

Стоя у окна, Андрей скользнул по ее телу изучающим взглядом. Да, хороша баба, даром что за сороковник перевалило. Стройна, ни грамма лишнего веса – не зря следит за собой, хлеб вообще не ест, конфеты тоже. Постоянно какие-то кремы-маски-массажи... В тренажерном зале по два часа ежедневно пропадает. Но все это, конечно, ерунда. Если бы не пластические операции, которые она регулярно проводит лет с тридцати пяти, никакие маски не помогли бы. А так, шагов с четырех, выглядит лет на тридцать...

И все равно, конечно, уже не то. На юную девочку не потянет. Как ни крути, а сорок есть сорок. Как говорится, сзади пионерка – спереди пенсионерка. И грудь уже подвисает, и бедра не такие упругие, хотя Лерка на одни свои ляжки тратит в месяц больше, чем многие зарабатывают. Ну, а чего не тратить, когда деньги есть? С тех пор как муженек ее представился, весь бизнес ей отошел. А она, что ни говори, баба умная, хваткая. За четыре года не только не растеряла, а преумножила состояние, на торговле мебелью дом отгрохала, три машины сменила. Последняя – самая крутая, «БМВ», «шестерка»...

Андрей не в состоянии скрыть завистливых вздохов, когда Лерка садится за руль, а он – на пассажирское сиденье. Несколько раз заводил разговор, вроде исподволь, что и ему такая машинка не помешает, но Лерка и слушать не хочет. Еще бы! Такая тачка стоит дорого, а Лерка, хоть деньги у нее и водятся, все же не Абрамович. Хотя купить вторую такую же для него может себе позволить. Не хочет, стерва! Так и сказала: «Ты еще не заработал!»

И с сожалением таким по его телу скользнула... Знает, чем уколоть, зараза! Андрей потом неделю с нее не слезал, ублажал, как мог, аж похудел, с лица спал, а она, оказывается, другое имела в виду... И пообещала, что купит, если дело выгорит.

Должно выгореть! Туська вроде ни о чем не подозревает, влюбилась в него, дурочка, по уши. Нет, она, конечно, девчонка симпатичная, да и возраст не сравнить с Леркиным – двадцать три года, самый сок... Конечно, в постели – пустышка полная, тут Лерка ей сто очков вперед даст и еще сто добавит. Тело, конечно, юное, а в голове – полная туфта. Ну, это и понятно, откуда мозги у двадцатитрехлетней девчонки?

Андрей вспомнил, с каким обожаемым блеском в глазах смотрела на него Туська, как заглядывала в рот, пытаясь угадать любое желание. Вспомнил, как чуть не удержался от смеха, когда увидел у нее на страничке в Интернете каталог свадебных платьев... Дуреха малолетняя! У всех у них в двадцать лет одно на уме. А ведь Андрей не только не обещал ей ничего, но даже не намекал об этом. А когда она сама заводила разговор, напускал загадочный вид и отделялся неопределенными фразами. Говорил о том, насколько важным и серьезным делом он занят, что сейчас самое ответственное время, когда нужно работать в полную силу. Тогда и плоды пожинать придется хорошие. Туська была уверена, что он трудится в некой секретной фирме. Над чем конкретно трудится, Андрей никогда ей не рассказывал.

Он снова посмотрел на Леркино обнаженное тело. Над ним он и трудился уже четвертый год подряд. Трудился усердно, а секретность состояла лишь в том, чтобы об этом раньше времени не узнала Туська. Тогда все планы к черту, и не видать ему никакой «БМВ». В нищете прозябать придется...

Андрей кривил душой перед самим собой. Какая нищета, положи руку на сердце! За годы работы у Лерки он приподнялся весьма здорово. Переехал из паршивой комнаты, которую снимали на шестерых с такими же приезжими бедолагами, в отдельную квартиру. Правда, Лерка на него ее так и не оформила, но за проживание денег не брала. Она вообще не

брала с него денег – она их давала. Это было само собой разумеющимся, как первое условие их негласного договора.

Андрей и вел себя соответственно – уговор есть уговор, пусть даже его условия вслух и не произносились, все и так было ясно: он удовлетворяет Леркины потребности – она его. Каждый получает свое.

Андрей докурил сигарету, повернулся, чтобы пойти на кухню и включить чайник, и тут увидел собственное отражение в зеркале в полный рост. Да уж, раздобыл он за эти три года на Леркиных харчах...

Конечно, не сравнить с тем, как он питался раньше! От дрянной китайской лапши мучила постоянная изжога, в результате – хронический гастрит. Но это болезнь обычна для таких, как он; другие питались ничуть не лучше. Толстенький и низенький Надыр, к примеру, за год скинул пятнадцать килограммов безо всяких усилий. Надыр был экономным, он хотел накопить на собственную комнату хотя бы в Подмоскowie. Ехал он в столицу с намерением поступить в МГУ, а в результате работал на стройке разнорабочим, и копить ему было суждено очень долго. Каждый вечер, лежа рядом с Андреем на полу на старом матрасе, он шевелил губами: то ли что-то мысленно жевал, то ли подсчитывал...

Андрей был стройным и мускулистым – сказывались занятия легкой атлетикой в родном городе в подростковом возрасте. Их школьный физрук считал свой предмет чуть ли не главным в школе, гонял пацанов нещадно, а после уроков оставлял заниматься дополнительно. Вот Андрей и подтянулся.

Лерка увидела его из окна своего автомобиля (тогда у нее был «Фольксваген»), когда он выгружал тяжелые упаковки с минералкой из кузова грузовичка, принадлежавшего супермаркету, в который Андрей устроился «менеджером торгового зала», а попросту грузчиком. Стояла жара, не хуже, чем сейчас, и Андрей снял майку. Молодой, загорелый, оголенный по пояс, поигрывающий мускулами, он явно привлек внимание одинокой, уже не очень юной женщины, пристально наблюдавшей за ним, закусив губу...

Конечно, он заметил этот взгляд. Правда, сначала не совсем понял, что он означает. И когда женщина окликнула его и практически без обиняков попросила оказать одну услугу, решил, что дамочка хочет, чтобы он передвинул ей мебель или что-то в этом роде.

– Понимаете, я женщина одинокая... – низким, грудным голосом говорила она, медленно водя глазами по фигуре Андрея сверху вниз и обратно. И – обжигающий взгляд прямо ему в лицо. – Помочь мне некому.

– Понимаю, – кивнул Андрей. – Сделаем. А когда?

– Сегодня, – хриловато засмеялась дама. – В восемь вечера. Ты же уже закончишь работу?

Андрей снова кивнул.

– Вот и хорошо. Буду тебя ждать.

Она протянула ему листок с записанным адресом и, чуть прищурив глаза красивого орехового оттенка, снова посмотрела на него, будто оценивая. Андрей испугался, что она передумает: судя по машине и прикиду, дамочка была небедной, и упускать возможность дополнительного заработка ему совсем не хотелось.

– Вы не волнуйтесь, все сделаем! – как можно увереннее проговорил он и даже прижал руки к груди.

– М-да? – недоверчиво спросила дама. – Что ж, посмотрим... – И нажала педаль газа.

Машина тут же стартанула с места и быстро умчалась, оставив Андрея с листком в руке.

– Чего застыл? – вывел его из состояния задумчивости сердитый голос покрасневшего напарника, стоявшего на краю кузова. – Принимай!

Андрей спохватился и быстро взял у него из рук тяжелую упаковку.

– Чего она от тебя хотела-то? – уже более миролюбиво спросил напарник.

– Да так, в гости приглашала, – усмехнувшись, ответил Андрей, сам еще не зная, что говорит чистую правду.

Тот не поверил, криво усмехнулся, но Андрей с такой спокойной уверенностью и даже превосходством смотрел на него, что он ничего не сказал, подавил завистливый взгляд и с еще большим ожесточением принялся таскать упаковки.

Дом оказался просто огромным. Андрей даже подумал, что ошибся адресом, и, достав из кармана бумажку, еще раз прочитал буквы, написанные мелким острым почерком. Нет, все правильно. Он поднял руку вверх, чтобы позвонить, но вместо звонка к двери был приделан колокольчик, издававший мелодичное треньканье. Андрей позвонил, и дверь открылась тут же, словно женщина ждала его, стоя за ней.

Она, естественно, переделалась в домашнюю одежду и была сейчас в обтягивающем красном топе и коротких шортах. Коротко стриженные темно-рыжие волосы слегка влажные – наверное, принимала душ.

– Вы пунктуальны, молодой человек, – произнесла дама своим хриловатым голосом и, видя смущение Андрея, вдруг рассмеялась: – Расслабьтесь, проходите.

Андрей, которому раньше не приходилось бывать в таких домах, осторожно разулся в прихожей, размерами превосходившей комнату, которую они делили на шестерых. Женщина провела его в гостиную. В центре стоял небольшой столик со стеклянной поверхностью, а на нем – бутылка вина, фрукты, нарезанные сыр и ветчина.

– Давайте сначала подкрепимся, – подходя к столу и присаживаясь на мягкий стул, предложила хозяйка. – И заодно познакомимся. Меня зовут Лера.

– А... по отчеству? – глупо спросил Андрей.

Лера раскатиисто расхохоталась. Смех ее походил на крик какой-то дикой птицы – он был слишком резким, гортанным и резал слух. Андрей, как ни храбрился, чувствовал робость в присутствии этой женщины. Понимал, что она превосходит его, и не только в материальном плане. Она же смотрела насмешливо, полностью уверенная в себе. Андрей терялся, потел и краснел, как маленький мальчик...

– Где же ваша мебель? – топчась на месте, спросил он.

– Какая мебель? – искренне удивилась Лера.

– Ну... я думал, вам мебель нужно передвинуть.

Она снова рассмеялась. Потом покачала головой.

– А ты что, только мебель двигать способен? – стрельнула глазами сверху вниз, подошла поближе и притянула его к себе за ремень, недвусмысленно давая понять, какая помощь требуется одинокой женщине...

Андрей потом еще какое-то время робел перед ней. Даже поначалу называл Лерку на «вы», что приводило ее в неопиcуемый восторг и вызывало новые приступы хохота. Но потихоньку освоился, даже почувствовал себя в чем-то хозяином положения. Позволял себе капризы, порой даже вспышки ревности. И он, и Лерка понимали, что они фальшивые, показные, но оба поддерживали эту игру. Лерка тешила его самолюбие, Андрей успокаивался иллюзиями, в глубине души прекрасно понимая, что полноправная хозяйка положения – Лерка и что он со своей напускной ревностью абсолютно ничего не решает. Понимал, что, играя в самца, он должен четко знать свое место, поскольку Лерка, хоть и весьма любила секс, на первом месте все равно держала деньги. И если бы Андрей слишком обнаглел и сунул свой нос не туда, куда надо, его бы вышибли с треском, успешно заменив другим. Может быть, даже моложе и лучше качеством. Он старался не нагнеть, эта «БМВ» была апогеем его желаний. И надо же, сработало. Лерка согласилась.

Он продолжил свой путь в кухню, но был остановлен требовательным Леркиным окликом:

– Ты куда?

– Чайник включу, – отозвался Андрей.

– Не надо, – промурлыкала Лерка. – Иди сюда!

Подавив вздох, он покорно подошел, вновь окидывая взглядом свою хозяйку. Промурлыкала вроде нежно, но в то же время требовательно. Так что попробуй не подойди! Андрей как-то посмел ослушаться подобного приказания, так Лерка, зараза, наказала его тем, что на три недели укатила отдыхать в Испанию, не оставив ему ни копейки. И на телефонные звонки не отвечала. А хуже всего оказалось то, что тайком забрала ключи от квартиры Андрея. Куда ему было деваться?

Три недели мыкался по друзьям-приятелям, от которых уже успел отойти далеко. Приходилось даже униженно просить-умолять, чтобы пустили, обещал впоследствии компенсировать. Одним словом, вернулся к условиям, о которых с легкостью успел позабыть: к хорошему привыкаешь быстро. Лерка специально ткнула его носом в дерьмо, из которого вылез, чтоб не забывался, знал свое место!

Потом она вернулась, загоревшая и даже помолодевшая, сама позвонила как ни в чем не бывало и назначила встречу на вечер у себя дома. Назначила своим обычным тоном: будто бы и ласково, но в то же время так, что никакого отказа не подразумевалось. Андрей уже и не думал отказываться, с радостью помчался, даже раньше времени, и ночевал в своей постели, и все стало, как обычно.

Но это постоянное унижение порой здорово его напрягало. Напрягало зависимое положение, роль постоянного подчиненного, мальчика для... даже не для битья, а похуже. Иногда Андрей подумывал о том, чтобы послать Лерку подальше, вместе с ее деньгами и приказами, и зажить самостоятельно. Но, прокручивая в голове все сопутствующие моменты, представляя, что придется вернуться в комнатуху на шестерых, опять пахать на грязной, низкооплачиваемой работе и питаться дешевыми магазинными пельменями, быстренько затухал и, мысленно обзывая Лерку всякими нелестными словами, послушно исполнял ее повеления.

И хотя мысль избавиться от ее влияния так и сидела у него в голове, за эти три года, честно говоря, он успел привыкнуть и даже привязаться к Лерке. Скучать рядом с ней ему не приходилось, да и научила она его многому. Дело не только в различных любовных техниках, которые Лерка осваивала в свое время по всему свету (Андрей не сомневался, что на собственной практике), она научила его мыслить по-другому, общаться с людьми так, чтобы они приносили пользу. И выбирать, тщательно отбирать, отфильтровывать всех, кто встречается на жизненном пути. Ненужных – балласт, мусор – вычеркивать беспощадно, раз и навсегда, без всякого сожаления. Так он и делал, отгоняя прочь всякую туфту, вроде смущения и угрызений совести.

Андрей невольно подумал о Туське. Скоро и с ней придется поступить так же. Жаль, конечно, с одной стороны, хоть и глупышка, а влюбилась в Андрея крепко. Он прекрасно понимал, что от Лерки такого отношения ждать не приходится. У них все оговорено по классической марксовской схеме: товар-деньги-товар. Правда, товар весьма своеобразный, но в наше время чем только не торгуют. Андрей торговал телом. И Лерка не строила из этого ничего романтического. Это было цинично, но честно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.